

Ты 24

Лена Кончаловская

Ты 24

Лена Кончаловская

Ты 24

«ВЕБКНИГА»

2022

Кончаловская Л.

Ты 24 / Л. Кончаловская — «ВЕБКНИГА», 2022

ISBN 978-5-6047288-1-9

Незванные герои дебютной книги Лены Кончаловской существуют в пространстве городов и на море и со-существуют – в лиминальных пространствах поэтического, сексуального, сновидческого. Сквозь риск и уязвимость новой близости, через боль и удовольствие повторения проступает история о возможности и невозможности человеческой встречи.

ISBN 978-5-6047288-1-9

© Кончаловская Л., 2022

© ВЕБКНИГА, 2022

Лена Кончаловская

Ты 24

© Лена Кончаловская, текст, фотографии, 2022

© No Kidding Press, издание, оформление. 2022

*камушек с твоим именем
мне подарила осень
камушек с твоим именем*

*он невесомый
противный
горит в кулаке
раскрыл ладонь —
а там ничего*

*камушек с твоим именем
не потерять не разбить
на нем написано слово
которое мне несвойственно говорить*

*весна забрала
камушек с твоим именем
я слышу ее шаги*

*зимой можно
летом иметь круги*

*он лежит на дне острый
твой камушек*

*с тупым именем
друг мой*

*с твоим именем
друг мой*

мой камушек

Паша Артемьев

Тоненький загорелый мальчик подбрасывает мяч в синее небо, и брызги блестящей россыпью разлетаются в воздухе. Его длинные шустрые ноги скользят по песку под водой, плавки приспустились вниз, обнажив ровную светлую полоску на животе.

Я сильно бледнее его, сразу видно, что море я вижу впервые за долгое время. Красный купальник слишком красный. Неловкая, стыдливая белизна неприкрытой кожи. Ноги под водой выглядят совсем бесцветными, почти прозрачными. Невесомость.

Чем дальше от берега, тем сильнее ощущаешь свою телесность – попытка войти в безопасную зону физического, собрать воедино границы своих форм. Руки, спина, живот. Голова на поверхности. *Над* водой и *над* телом, и кажется, будто всё существо сейчас тоже стекло вверх, к самой макушке, превратившись в одну тонкую пульсирующую линию. В этой точке можно услышать более отчетливый голос, будто радиосигнал поймал наконец чистую волну, и звук изнутри слышится как бы снаружи, извне – без помех, хоть и немного отстраненно. Голос *над* головой.

Ложусь звездой на упругие волны, и отсюда, с середины моря, кажется, что небосвод и правда похож на голубой бездонный шар. Свод. Объятие. Цвет: синий.

Небу всё равно, по небу плывут облака, что ему до нас и наших земных печалей.

Запрокидываю голову, позволяя воде забраться в уши – глухой звук плещущихся волн. Солнце уверенным прикосновением отпечталось на моей макушке, и теперь, опустив затылок

в прохладное море, ледяное касание проскальзывает по спине. Голос резко обрывается и растворяется в соленом плеске, возвращая меня в тело. Замри.

Слышу, как по дну перекатываются песчинки, и в ушах фоном всегда шуршит, позванивая, морское дно.

Вперед, назад, вперед, назад.

Мне кажется, кроме меня никто не замечает этот шепот. Как и меня саму.

Вода уносит меня к буйкам, а я не сопротивляюсь. Сопротивляться вообще не имеет никакого смысла. Со и против. Против, но вместе? Навстречу.

Скалистый берег наклонился вперед, вдалеке, затянутые туманом, возвышаются горы, и с первого взгляда не разберешь, облака это или край земли.

Интересно, где ты сейчас? На краю земли?

Да.

Да и я, в общем-то, не в раю.

Стройные кипарисы обрамили откос скалы. Их всегда аккуратно высаживают в ряд, один за другим, как армию воинов, охраняющих периметр. Величественное и одинокое дерево печали. Стройная стрела смерти, устремленная в небо. Дерево вечной тоски. И Кипарис не хотел убивать оленя, он любил его.

Если бы ты был деревом – ты был бы кипарисом.

*(имя твоё во рту – барбарис
и твоё дерево – кипарис)*

Нужно плыть к берегу. Не хочется.

На суше всё иначе, и как только ноги касаются каменистого дна, тело тут же возвращается в себя. Щурюсь на солнце, с усилием разводя плотную воду руками. Мокрые пряди волос прилипли ко лбу, соленые капли застыли на ресницах, обжигая глаза.

Плавать изящно и не теряя лица – особый талант. В воде все выглядят довольно жалко, никакой эротики.

Сексуальность появляется только на берегу. Белые следы от лямок на загорелых плечах. Узор соли на коричневатой, блестящей от масла коже. Струйки воды, стекающие вниз по животу.

Да.

Но в воде – никогда. Даже влюбленные, хватающие друг друга за талии, забирающиеся руками в плавки, думая, что их никто не видит, улыбающиеся солеными губами. Даже они выглядят довольно жалко. Стихия всех нас делает немного детьми – неуклюжими, восторженными и беззащитными. Дитя человеческое.

Доказательство.

Выбираюсь из воды, стараясь не терять равновесие на скользкой колючей гальке. Сажусь на корточки на самом краю берега и, изнывая на огненном полуденном жаре, усердно перебираю камушки.

Мне нужны только зеленые. Гладкие и блестящие.

Камушки с твоим именем.

Набираю целую горсть – неразменная монета. Влажные, похожие на крошечные бусины твердые шарики переливаются на ладони. Крепко сжимаю их в кулачке и, перепрыгивая с ноги на ногу, бегу по раскаленному пляжу под зонтик.

Пол – это лава.

Рядом лежат они. Пожилая пара, цвета жженого сахара. У него нос горбинкой, тонкие гнутые губы, поджарое тело, высушенное южной жарой и долгими прогулками по горам. Она похожа на голливудскую кинозвезду – волосы собраны в высокую прическу даже на пляже, на тонких темных руках увесистые золотые браслеты-утяжелители.

Бросила якорь.

Она курит крепкие сигареты и загорает без лифчика. Она великолепна и знает об этом. И он знает тоже.

Мы могли выглядеть так же. И он очень красивый.

Золотые непослушные кудряшки, широкие угловатые плечи, синий под темным кружевом ресниц.

Совсем не ты.

Он говорит громко, не отводя взгляда, крутит папиросы плоскими длинными пальцами и читает мне вслух. Иногда поздно вечером, сидя в саду, он достает какую-нибудь новую пьесу или давно забытый отрывок.

Будем читать по ролям.

Хорошо.

В общем, всё могло бы быть ровно так, но мы друг друга не любим, и это, наверное, единственное, что нарушает естественный ход вещей.

То есть как. Любим, просто не поровну и как-то по-кошачьи: спим в одной кровати, заканчиваем друг за друга предложения и едим из одной тарелки. Иногда он вдруг, внезапно наклоняется и целует меня в затылок или в плечо.

Я его обожаю, но это другое.

Камушек с твоим именем.

Его глаза то и дело скользят от страниц к ее лицу, проверяя, всё ли на месте. А она лежит, опустив веки под большими солнцезащитными очками, и не замечает его взглядов. Ласковые стрелы. Иногда он протягивает руку, не отрывая взгляда от книги, и проводит пальцами по ее ноге, поглаживая кожу. Я знаю это касание – в нем больше честности и близости, чем в чём бы то ни было.

Ты моя.

Ты 24.

Весной мы вдвоем забрались в крошечную ванну. Точнее, ты забрался ко мне в ванну.

Твой затылок упирается в кран, наши ноги, согнутые в коленях, переплетаются в узел, вода почти доходит до краев, и пена уже совсем растаяла и разбрелась мелкими пузырьками по поверхности.

Мы сидим друг напротив друга. Немного неловко, но очень решительно, будто бы никто не смущен этой нежностью. Ты нащупываешь под водой мою щиколотку, окружая ее пальцами, и медленно скользишь по ней то вверх, то вниз. В этом касании совсем нет эротики, но очень много нежности – вот я касаюсь тебя рукой, и в этом касании ты вся моя.

Вся моя.

Если бы я могла, я бы остановила там, именно в тот момент, в этой маленькой неудобной остывшей ванне. Когда очень близко, но еще безболезненно.

Мне хочется дотянуться до твоего лица, но в этой чертовой ванне невозможно пошевелиться, и поэтому я просто сижу и смотрю на тебя в упор. Моя щиколотка зажата в твоих пальцах, и ты смотришь на меня, вот и весь разговор.

Вот и всё.

Мы лежим под палящим солнцем, кожа покрыта толстым слоем белого крема.

Лето пахнет кремом от загара, свежим потом и солью. И кока-колой.

На всех сгибах тела собираются влажные капли испарины, жарко настолько, что кажется, будто воздух можно порвать руками на длинные тягучие лоскутки. Морская вода капает с волос и стекает по лицу, попадая в глаза. Руками не вытрешь – соленые, щиплет.

Оближи.

Он обрамляет мое лицо ладонями и проводит языком по веку. Очень мокро.

Доказательство.

Наблюдаю за ним с берега, лениво наклонив голову набок. Он стоит на пирсе, облокотившись на перила, длинные волосы прилипли к шее. Прямо отсюда вижу, как краснеет его грудь на полуденном солнце. Вечером будет материться, крутятся перед зеркалом, рассматривая алые полоски на спине, и просить намазать его «чем угодно», потому что «горит».

У меня тоже горит.

Но сейчас он стоит на пирсе, подставив голые плечи яркому свету, совсем об этом не думая.

О таких вещах из нас двоих всегда думаю только я.

Сладкий персик тает в руках, стекая по локтю, обнажая багровую косточку. Алый осколок в сочной розовеющей мякоти.

Камушек с твоим именем.

Буквы плавятся на бумаге, и приходится по несколько раз перечитывать целые страницы. Для концентрации голова должна быть в холоде, температура – чуть ниже среднего. В такую жару невозможно ни о чем думать всерьез, и даже твой образ, призраком плавающий в моей голове, то приближается, то отдаляется, и я не пытаюсь за него ухватиться.

Нахер это всё.

Закрываю глаза, прикрыв лицо соломенной шляпой.

Время тянется бесконечно, дни похожи один на другой, и ничего не меняется. Сейчас это хорошо – можно попробовать раствориться не внутри, а снаружи. Головой над.

Всё это время я скрупулезно пыталась собрать всё то о тебе, что рассыпалось по моему телу, голове и рукам, и оставить где-то за пределами себя. Время собирать камни. Но этого слишком много, в том числе потому, что тебя было недостаточно, и мне пришлось самостоятельно заполнить пробелы, додумав всё то, чего мне не дали. Превратить линию в круг, но кажется, где-то я все-таки промахнулась. Пунктир.

Что-то холодное капает на живот. Море с его волос.

Конечно, как же без этого.

Ну вот, опять рассыпалось.

Темнеет рано, солнце описывает дугу над морем и уходит за горы. Из чистого голубого небо розовеет ровно по кромке горизонта, а затем резко погружается в темноту.

Южные сны.

Вот и вся цикличность – месяц скользит по дуге, медленно поднимаясь из воды медным острым клинком. И чем выше, тем ярче сверкает его полукруг, и тем холоднее блестит край. Мне кажется, он мне подмигивает.

Последний раз я видела тебя в Петербурге. Мы молча едем по набережной Обводного канала, и мимо изредка, дребезжа, проезжают одинокие машины с тусклыми фарами. Вот и всё, о чем можно было мечтать.

Тебе не нравится, что я еду по центру полосы, а мне не хочется жаться к краю дороги, когда вся набережная – только моя.

Тебе уступить правый ряд?

Мне не нужен правый ряд. Я хочу, чтобы ты просто уступил.

Это было лето, но казалось, что оно наступит еще нескоро. «Какое лето, о чем ты? Это вечность». Целая вечность.

Это было это же лето.

Мы не разговариваем, просто крутим педали в темноте полупустой дороги. Я всё время смотрю на асфальт и на твою тень. То есть на тебя и твой велосипед.

Твой велосипед.

Мне кажется, я влюблена в твой велосипед.

Он мерещится мне повсюду: боковое зрение цепляется за любой быстро движущийся объект на дороге, взгляд ищет гладкую блестящую раму, даже когда тебя не может быть рядом. Треск крутящейся цепи, реакция, поворот головы. Не ты.

Над крышей большого здания то ли фабрики, то ли электростанции на той стороне реки показалась она. Огромная, круглая, полная. В ней было что-то зловещее и многозначительное, особенно потому, что мы видели ее вместе. Мне показалось, что сейчас это важно. Доказательство.

Мне хотелось приблизиться к ней, и еще чтобы ты смотрел на нее тоже. Кажется, ты смотрел, и мне казалось, что в этот момент у нас появилось что-то общее. Мне хотелось, чтобы и ты хотел, чтобы я на нее смотрела.

Но ты даже не смотришь на меня.

Я устала.

В три утра мы сидим в обшарпанной забегаловке на углу проспекта и едим горячие лепешки. Ты отходишь от кассы и обнимаешь меня за плечи. Это странно. Ты никогда так не делаешь. Это еще более странно, потому что вчера, сидя в саду, мы вроде бы всё решили, но вот мы опять здесь, вдвоем, и ты почему-то опять держишь меня за руку.

Наши велосипеды стоят у стены, *педалями в педали, рулем к рулю*. Пьяный мужик за соседним столиком пристаёт к старшеклассницам с густо накрашенными глазами. Что-то о любви. После пары предупреждений два здоровых араба берут его под руки и вышвыривают на улицу.

В нашем кафе так себя не ведут.

О да, блядь, не ведут.

В дальнем углу двухметровый амбал в кожаном плаще одной рукой ест лепешку, перебирая пальцами свободной руки что-то наподобие четок. Перед ним на столе в темной обложке лежит толстая потрепанная книга с изображением рун. В этом параде сумасшедших нам, кажется, самое место. Ад пуст.

Я устала.

У входа в гостиницу ты вопросительно приподнимаешь бровь. Во всем пространстве вариантов для нас есть только один. Хотя я знаю, что можно выбрать другое. Что иногда нужно просто собраться, досчитать до трех и взять себя в руки, но я просто не могу. Я хочу взять в руки тебя.

Я устала.

И всё это настолько вымученно, что я уже не замечаю ноющей ссадины.

В комнате очень темно, только холодный свет фонарей отбрасывает тень на твое лицо. Ты кладешь руку мне под шею, второй сжимая мою ладонь, и так, замыкая круг, сцепившись намертво пальцами, мы спим всю ночь, ни разу не пошевелившись. Мы всегда спим *так*. Но в этот раз в этом было чуть больше любви. Хотя бы немного любви. Мне так казалось.

Мне так казалось, потому что люди не спят просто так в одной кровати. Особенно если сложно найти какую-то точку соприкосновения, кроме секса, и я не про сферу интересов. Секс – тоже сфера интересов. Но просто спать вместе, вплетаясь снами друг в друга, это другое. Мне хочется остановить прямо вот тут, нажать паузу *прямо сейчас*, пусть просто будет сон, и моя рука в твоей руке.

Нахер это всё.

Есть один снимок американского фотографа Джо Нелли – две пушистые пчелы лежат валетом внутри раскрывшегося красного цветка. Они спят, и их мохнатые брюшки осыпаны желтой пылью. Даже через экран от них сладко пахнет медом. Я люблю этот снимок. В ту ночь мы были этими пчелами.

Утром я уехала. Вот и всё.

Мы стояли у поезда, и время, кажется, тянулось вечно. Я хотела, чтобы оно шло быстрее, я хотела, чтобы оно закончилось.

Меня тошнит. Ладонь на твоём затылке, горсть поцелуев, рассыпанных на твоём лице. Твой велосипед стоит у вокзала, мой ждет меня в тамбуре поезда.

Твой велосипед.

Время движется очень медленно. Я физически чувствую, что уже сейчас ты очень далеко от меня, и мне неловко, будто я пытаюсь удержать тебя, замыкая пальцы на твоей теплой шее.

Мне всегда хватало ума найти в себе немного самоуважения, гордости в конце концов, нащупать внутри достоинство размером с шарик для пинг-понга, чтобы вовремя уйти. Подстраивать реальность под ожидания, как бы этого ни хотелось, тупо. И немного унизительно. Нужно просто уйти. Но у меня ничего не получается. Время замерло. Было неловко. Мне просто хотелось, чтобы это всё закончилось.

Я устала. Я села в вагон и уехала.

Вот и всё.

Мы живем в небольшом одноэтажном домике на холме с видом на море. Старомодный интерьер с тяжелой дубовой мебелью и ванной из розового мрамора, но ему нравится. Ему вообще всегда всё нравится.

Просыпаемся от того, что воздух к десяти утра становится таким горячим, что простыня прилипает к животу и на ней остаются влажные невидимые следы пота. Тонкие белые занавески колышутся на утреннем ветру, и лучи света разбегаются по комнате. Южные сны.

Нас обоих бесит, что приходится спать, накрывшись простыней вместо одеяла, но в такое пекло какое тут одеяло.

Мы никогда не спим в обнимку, всегда на разных краях кровати, не касаясь друг друга. Не потому, что жарко. Просто. Мы не спим снами вместе. Это очень разные вещи.

Иногда, под утро, он поворачивается на бок, утыкается лицом мне в шею, едва касаясь губами моего плеча. Но это не считается.

Я никогда не понимала, почему вся человеческая близость должна уместиться в одну из двух форм – дружбу и некие романтические отношения, так называемую любовь, от которой бывают дети. Или от которой они не случаются, но это нюансы.

Всё же гораздо сложнее, и это не только вопрос чувств и договоренностей, но и языка любви. Любовь, может, и не меняет содержания, но форма – разве не может она быть разной? Я не знаю. Чем длиннее жизнь, тем меньше я знаю о любви. И если в шестнадцать мне казалось,

что я знаю о любви всё, а взрослые, они ничего не понимают, то сейчас я точно знаю, что это действительно так. Я взрослая. Но это не так плохо.

Я всегда просыпаюсь первой. Осторожно оборачиваюсь и вижу его загорелое лицо на белоснежной подушке. Он похож на принцессу, такой он красивый.

Тихо сажусь на краю кровати, пытаюсь не разбудить, но он всегда это чувствует и открывает глаза.

Цвет: синий.

В ванной на раковине лежит блестящая металлическая бритва. Смотрю на сверкающую рукоятку и чувствую, как снизу, от живота к груди, поднимается нежная теплая волна. Его бритва. Доказательство.

В окне виднеется край скалы с одиноким молчаливым кипарисом. Вот и ты.

Мы идем по узкой каменистой дорожке под палящим солнцем. В траве стрекочут кузнечики, или кто там обычно скрывается за высокими зарослями. Сверкающая синим перламутром стрекоза неспешно пролетает за ухом и замирает, беззвучно сотрясая густой воздух. Лето.

С утра мы не разговариваем. Он знает, что утром меня лучше не трогать, поэтому не болтает, хотя болтает он всегда. По делу, но всё же без умолку. Меня это не бесит, даже наоборот. Мне нравится, когда он болтает.
И у него это получается гораздо лучше, чем у меня.

Иногда я слишком долго блуждаю в тумане образов, нанизывая слова одно на другое, постепенно вырисовывая смысл, и тогда он вдруг поднимет на меня глаза и, выдержав упругую паузу, скажет как есть. Цвет: синий. И я просто скажу: да.

Да? Да.

Мы доходим до маленькой белой постройки, больше похожей на сарай, чем на магазин. У входа на красном пластиковом стуле сидит грузный мужчина с седыми усами. Руки уперты в бока, в зубах зажата сигарета. Кожа цвета глины, на голом теле, прикрытом майкой-алкашкой, виднеется бледная наколка, пыльные резиновые шлепанцы стоят рядом.

Доброе утро.

Внутри так же жарко, как и снаружи. Пухлая продавщица с красной шеей сидит под тихо жужжащим вентилятором, разгадывая кроссворды. Она машинально улыбается и кивает, едва ли отрывая взгляд от страниц. Ручка касается уголка рта, очки спущены на кончик носа.

Эту мизансцену можно наблюдать каждое утро, меняется лишь цвет платья, и иногда на полной шее появляются яркие бусы. Время остановилось здесь. Вот здесь. И ничего не меняется.

Я бы хотела, чтобы оно остановилось в другом месте, но оно остановилось именно тут. Достаточно справедливо.

Мы приходим три раза в неделю за свежим горячим хлебом, маслом, сыром, яйцами и вином. И еще я беру инжир. В инжирах умирают осы, я знаю. Они забираются внутрь цветка и выют там гнездо. Но плод растет и захлопывается, замыкая края и разрастаясь сочной сладкой мякотью. А оса остается внутри и становится частью инжира. Я это знаю, но мне всё равно. Я думаю, это очень похоже на всё человеческое, на жизнь в принципе.

Обратно идем тоже молча, хочется курить. Но я никогда не курю до завтрака.

В саду маленький кованный столик, два кресла и выцветший гамак, натянутый между двумя кривыми яблонями. Окна открыты настежь. Я ставлю большую гейзерную кофеварку на плиту и, оперевшись руками на мраморную холодную столешницу, смотрю в окно. Кажется, будто так проходят целые дни. «Какое лето, о чем ты? Это вечность». Да. Лето, блядь.

Завтракаем всегда одинаково: яйца, хлеб с маслом, сыр. Ничего особенного, но что может быть лучше хлеба с маслом?

Твой велосипед.

Пальцы разламывают твердую золотую корку хлеба и проваливаются в мякиш.

Его блестящая бритва.

Мы сидим молча. Я подмигиваю ему, откусывая спелый инжир, и он улыбается.

Пойдем купаться?

Пойдем.

Осы летают над столом, опуская лапки-ниточки в золотистые капельки меда, оставшиеся на тарелке. Какой сейчас месяц? Июль? Август?

Вечность.

В воде его глаза кажутся совсем синими. Синий и бездонный. На загорелом лице играют блики света, золотые, выгоревшие на солнце кудряшки стянулись в упругие соленые колечки. Ангел.

Он ныряет под воду, хватая меня за щиколотку и тянет вниз. В голову ударяет глухая тишина моря, в легких не так много воздуха, а он всё держит меня пальцами за ногу и плывет ко дну. Я знаю, что он отпустит меня ровно тогда, когда будет нужно. Такая игра.

Время тянется очень медленно, но вода резко становится прохладнее, и он разжимает ладонь. Толчок руками, и я снова вынырываю на поверхность. С берега доносятся детские крики и смех, солнечный свет обжигает лицо, по дну перекальваются песчинки. Вперед, назад, вперед, назад.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.